

Александр Твардовский

—

Василий Теркин
Стихотворения

Москва
2024

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Т26

Твардовский, Александр Трифонович.

Т26 Василий Теркин : поэма ; Стихотворения / Александр Твардовский. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-191229-1

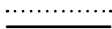
В книгу стихотворений Александра Твардовского, известного советского поэта-фронтовика, вошли его наиболее значимые и известные произведения: в первую очередь выдающаяся поэма «Василий Теркин» — повествование о героизме, мужестве и самопожертвовании, о человеческом достоинстве в условиях войны. Василий Теркин — образ настоящего советского солдата, преданного своему народу и Отечеству. В поэме отображены суровые условия жизни на фронте, но главный герой показывает пример высочайшей силы духа, который вдохновляет окружающих.

Александр Твардовский сумел передать весь героизм простого советского солдата искусно и выразительно. В книгу вошли также известные стихотворения «Я убил подо Ржевом...», «Рассказ танкиста», «В тот день, когда окончилась война» и другие произведения. Стихотворения Александра Твардовского и поэма «Василий Теркин» стали одними из основных шедевров советской литературы, побуждающих задуматься о смысле человеческой судьбы и ценности мирной жизни.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

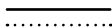
ISBN 978-5-04-191229-1

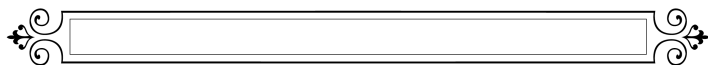
© Твардовский А.Т., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Василий Теркин

Поэма

ОТ АВТОРА

На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода,
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда, —
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б — вода.
На войне, в быту суровом,
В трудной жизни боевой,
На снегу, под хвойным кровом,
На стоянке полевой, —
Лучше нет простой, здоровой,
Доброй пищи фронтовой.
Важно только, чтобы повар
Был бы повар — парень свой;
Чтобы числился недаром,
Чтоб подчас не спал ночей, —
Лишь была б она с наваром
Да была бы с пылу, с жару —

Подобрей, погорячей;
Чтоб идти в любую драку,
Силу чувствуя в плечах,
Бодрость чувствуя.
Однако
Дело тут не только в шах.
Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой —
Без тебя, Василий Теркин,
Вася Теркин — мой герой.
А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.
Что ж еще?... И все, пожалуй.
Словом, книга про бойца
Без начала, без конца.
Почему так — без начала?
Потому, что сроку мало
Начинать ее сначала.
Почему же без конца?
Просто жалко молодца.
С первых дней години горькой,

В тяжкий час земли родной
Не шутя, Василий Теркин,
Подружились мы с тобой,
Я забыть того не вправе,
Чем твоей обязан славе,
Чем и где помог ты мне.
Делу время, час забаве,
Дорог Теркин на войне.
Как же вдруг тебя покину?
Старой дружбы верен счет.
Словом, книгу с середины
И начнем. А там пойдет.

НА ПРИВАЛЕ

— Дельный, что и говорить,
Был старик тот самый,
Что придумал суп варить
На колесах прямо.
Суп — во-первых. Во-вторых,
Кашу в норме прочной.
Нет, старик он был старик
Чуткий — это точно.
Слышь, подкинь еще одну
Ложечку такую,
Я вторую, брат, войну
На веку воюю.
Оцени, добавь чуток.
Покосился повар:
«Ничего себе едок —
Парень этот новый».
Ложку лишнюю кладет,

Молвит несердито:
— Вам бы, знаете, во флот
С вашим аппетитом.
Тот: — Спасибо. Я как раз
Не бывал во флоте.
Мне бы лучше, вроде вас,
Поваром в пехоте. —
И, усевшись под сосной,
Кашу ест, сутулясь.
«Свой?» — бойцы между собой, —
«Свой!» — переглянулись.
И уже, пригревшись, спал
Крепко полк усталый.
В первом взводе сон пропал,
Вопреки уставу.
Привалясь к стволу сосны,
Не щадя махорки,
На войне насчет войны
Вел беседу Теркин.
— Вам, ребята, с серединки
Начинать. А я скажу:
Я не первые ботинки
Без починки здесь ношу.
Вот вы прибыли на место,
Ружья в руки — и воюй.
А кому из вас известно,
Что такое сабантуй?
— Сабантуй — какой-то праздник?
Или что там — сабантуй?
— Сабантуй бывает разный,
А не знаешь — не толкуй.
Вот под первую бомбежкой

Полежишь с охоты в лежку,
Жив остался — не горюй:
Это — малый сабантуй.
Отдышись, покушай плотно,
Закури и в ус не дуй.
Хуже, брат, как минометный
Вдруг начнется сабантуй.
Тот проймет тебя поглубже, —
Землю-матушку целуй.
Но имей в виду, голубчик,
Это — средний сабантуй.
Сабантуй — тебе наука,
Враг люзует — сам лютуй.
Но совсем иная штука
Это — главный сабантуй.
Парень смолкнул на минуту,
Чтоб прочистить мундштучок,
Словно исподволь кому-то
Подмигнул: держись, дружок...
— Вот ты вышел спозаранку,
Глянул — в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
— Тыща танков? Ну, брат, врешь.
— А с чего мне врать, дружище?
Рассуди — какой расчет?
— Но зачем же сразу — тыща?
— Хорошо. Пускай пятьсот.
— Ну, пятьсот. Скажи по чести,
Не пугай, как старых баб.
— Ладно. Что там триста, двести —
Повстречай один хотя б...
— Что ж, в газетке лозунг точен:

Не беги в кусты да в хлеб.
Танк — он с виду грозен очень,
А на деле глух и слеп.
— То-то слеп. Лежишь в канаве,
А на сердце маята:
Вдруг как сослепу задавит, —
Ведь не видит ни черта.
Повторить согласен снова:
Что не знаешь — не толкуй.
Сабантуй — одно лишь слово —
Сабантуй!.. Но сабантуй
Может в голову ударить,
Или попросту, в башку.
Вот у нас один был парень...
Дайте, что ли, табачку.
Балагуру смотрят в рот,
Слово ловят жадно.
Хорошо, когда кто врет
Весело и складно.
В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде,
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.
И несмело у него
Просят: — Ну-ка, на ночь
Расскажи еще чего,
Василий Иванович...
Ночь глуха, земля сыра.
Чуть костер дымится.
— Нет, ребята, спать пора,
Начинай стелиться.
К рукаву припав лицом,

На пригретом взгорке
Меж товарищей бойцов
Лег Василий Теркин.
Тяжела, мокра шинель,
Дождь работал добрый.
Крыша — небо, хата — ель,
Корни жмут под ребра.
Но не видно, чтобы он
Удручен был этим,
Чтобы сон ему не в сон
Где-нибудь на свете.
Вот он полы подтянул,
Укрывая спину,
Чью-то тещу помянул,
Печку и перину.
И приник к земле сырой,
Одолен истомой,
И лежит он, мой герой,
Спит себе, как дома.
Спит — хоть голоден, хоть сыт,
Хоть один, хоть в куче.
Спать за прежний недосып,
Спать в запас научен.
И едва ль герою снится
Всякой ночью тяжкий сон:
Как от западной границы
Отступал к востоку он;
Как прошел он, Вася Теркин,
Из запаса рядовой,
В просоленной гимнастерке
Сотни верст земли родной.
До чего земля большая,

Величайшая земля.
И была б она чужая,
Чья-нибудь, а то — своя.
Спит герой, храпит — и точка.
Принимает все, как есть.
Ну, своя — так это ж точно.
Ну, война — так я же здесь.
Спит, забыв о трудном лете.
Сон, забота, не бунтуй.
Может, завтра на рассвете
Будет новый сабантуй.
Спят бойцы, как сон застал,
Под сосною впокат,
Часовые на постах
Мокнут одиноко.
Зги не видно. Ночь вокруг.
И бойцу взгрустнется.
Только что-то вспомнит вдруг,
Вспомнит, усмехнется.
И как будто сон пропал,
Смех прогнал зевоту.
— Хорошо, что он попал,
Теркин, в нашу роту.

* * *

Теркин — кто же он такой?
Скажем откровенно:
Просто парень сам собой
Он обыкновенный.
Впрочем, парень хоть куда.
Парень в этом роде

В каждой роте есть всегда,
Да и в каждом взводе.
И чтоб знали, чем силен,
Скажем откровенно:
Красотою наделен
Не был он отменной,
Не высок, не то чтоб мал,
Но герой — героем.
На Карельском воевал —
За рекой Сестрою.
И не знаем почему, —
Спрашивать не стали, —
Почему тогда ему
Не дали медали.
С этой темы повернем,
Скажем для порядка:
Может, в списке наградном
Вышла опечатка.
Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!
В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне.
— Видно, бомба или пуля
Не нашлась еще по мне.
Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.
И хоть было беспокойно —
Оставался невредим
Под огнем косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...
Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьет со вкусом
На позиции любой.
Как ни трудно, как ни худо —
Не сдавай, вперед гляди,
Это присказка покуда,
Сказка будет впереди.

ПЕРЕД БОЕМ

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счет войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.
Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шел наш брат.
Шел наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шел поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.
Полям шел, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз,

Подходил к селу в потемках,
И служил ему котомкой
Боевой противогаз.
Шел он, серый, бородатый,
И, цепляясь за порог,
Заходил в любую хату,
Словно чем-то виноватый
Перед ней. А что он мог!
И по горькой той привычке,
Как в пути велела честь,
Он просил сперва водички,
А потом просил поесть.
Тетка — где ж она откажет?
Хоть какой, а все ж ты свой,
Ничего тебе не скажет,
Только всхлипнет над тобой,
Только молвит, провожая:
— Воротиться дай вам бог...
То была печаль большая,
Как брели мы на восток.
Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!
Шли, однако. Шел и я...
Я дорогою постылой
Пробирался не один.
Человек нас десять было,
Был у нас и командир.
Из бойцов. Мужчина дельный,
Местность эту знал вокруг.
Я ж, как более идейный,

Был там как бы политрук.
Шли бойцы за нами следом,
Покидая пленный край.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.
Не зарвемся, так прорвемся,
Будем живы — не помрем.
Срок придет, назад вернемся,
Что отдали — все вернем.
Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?
Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все думал, думал...
— Брось ты думать, — говорю.

Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
— По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?
Что ответить? Как я мыслю?
Вижу, парень прячет взгляд,
Сам поник, усы обвисли.
Ну, а чем он виноват,
Что деревня по дороге,
Что душа заныла в нем?
Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: «Зайдем...»
Встрепенулся ясный сокол,

Бросил думать, начал петь.
Впереди идет далеко,
Оторвался — не поспеть.
А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой.
Вот как было с нашим братом,
Что попал домой с войны:
Заходи в родную хату,
Пробираясь вдоль стены.
Знай вперед, что толку мало
От родимого угла,
Что война и тут ступала,
Впереди тебя прошла,
Что тебе своей побывкой
Не порадовать жену:
Забежал, поспал урывком,
Догоняй опять войну...
Вот хозяин сел, разулся,
Руку правую — на стол,
Будто с мельницы вернулся,
С поля к ужину пришел.
Будто так, а все иначе...
— Ну, жена, топи-ка печь,
Всем довольствием горячим
Мне команду обеспечить.
Дети спят. Жена хлопочет,
В горький, грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной.
Расторопными руками

Жарит, варит поскорей,
Полотенце с петухами
Достает, как для гостей.
Напоила, накормила,
Уложила на покой,
Да с такой заботой милой,
С доброй ласкою такой,
Словно мы иной порою
Завернули в этот дом,
Словно были мы герои,
И не малые притом.
Сам хозяин, старший воин,
Что сидел среди гостей,
Вряд ли был когда доволен
Так хозяйкою своей.
Вряд ли всей она ухваткой
Хоть когда-нибудь была,
Как при этой встрече краткой,
Так родна и так мила.
И болел он, парень честный,
Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...
Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.
Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.